

**Образ времени как «сенсорная композиция» в романе Е. Водолазкина
«Авиатор»**

Антоненко Наталья Сергеевна

E-mail: straga98@mail.ru

Сюжет романа «Авиатор» строится на пунктире воспоминаний главного героя - Иннокентия Платонова. Границы между мнемоническими фрагментами нарратива размыты, хронологическая последовательность не всегда соблюдается.

Категория времени в романе предельно проблематизирована. Главный герой оказывается причастным жизни двух разных поколений, а потому реальность в его восприятии радикально раздваивается, теряя аксиоматическую цельность.

То время, в котором он существовал и продолжает существовать «памятью чувств», начинает переживаться физиологически конкретно: «чувство времени» преобразуется в совокупность сенсорных ощущений, но не «здесь и сейчас», а в «отфильтрованном» памятью виде. Один из главных принципов «построения реальности» - принцип регулярного соотношения (тогда и теперь, до и после, в так называемом «прошлом» и так называемом «настоящем»).

Тем не менее, главный модус существования героя - воспоминания. Ощущать жизнь, не «потеряться в лабиринте времени» для него значит «вспомнить все». Только так можно обеспечить реальность своей собственной жизни - жить, продолжая «воскрешать жизнь» памятью.

В романе Е. Водолазкина архетипической устойчивостью в потоке памяти обладают не имена современников, реалии быта или нюансы идеологии, но запахи, звуки и образы - те или иные сенсорные «отпечатки». Содержание «кванта памяти» весьма переменчиво (меняться могут пространство, календарные подробности, участники события), но в устойчивый узор складываются сенсорные реакции.

«Композиция судьбы» представлена в мнемонически оформленном повествовании набором локусов, некоторые из которых актуальны и в «прошлом», и в «настоящем»: Петроград и Петербург, больница, Куоккала, Сиверская «тогда» и «сейчас», квартира Ворониных и квартира Платоновых, Соловки, Алушта. Временное течение жизни оборачивается «пространственным» развертыванием локусов, причем в каждом из них преобладает определенное сенсорное восприятие.

Локус Петрограда воспринимается в основном посредством зрения, хотя так или иначе проявляют себя и все другие типы сенсорных систем: слуховая, обонятельная, вкусовая, осязательная. Отдельные штрихи восприятия формируются при помощи терморцепторов и ноцицепторов (нейронов, которые активируются исключительно болевым раздражителем). Наименее частотно представлены в этом фрагменте оформляемой памятью реальности атрибуты вкусового и ноцицепторного типов сенсорных реакций.

В локусе Петербурга также доминируют зрительные детали, хотя именно «работа» зрения привносит в сознание героя мотив «кризиса реальности», ее неподлинности: «По старому городу ехать было хорошо, а как добрались до Купчино, душа затосковала. <...> Остановились у больницы - убогая, под стать району... Старые здания даже в таком состоянии не столь удручающи, есть в них, и в неухоженных, стать. А новые - непрочные, ненастоящие, сразу видно, что подделка».

Первое, что встречает героя в новом для него времени, - больница; место, где «за окном светило солнце, и о подоконник дробно стучала капель. Таяние снега происходило под... наблюдением Гейгера, но без его участия. Так же примерно, как и моя разморозка».

Основной канал мировосприятия в этом фрагменте - ориентация через механорецепторы, но вновь совершенно не задействованы термо- и ноцицепторы.

Наиболее минимизированы (редуцированы до базовых) ощущения главного героя в Куоккале, в которой «и сосны, и волны меняют свой облик в сумраке белой ночи . . .»: здесь память опирается только на слуховые и зрительные ощущения - при явном преобладании последних.

Сиверская для Платонова («ровесника века») связана с принципиально «другими» красками, звуками, видами: «Зелеными, шумящими. Коричневыми, бездонными, плещущимися. Переходящими солнечным днем в голубое. Был рев водопада на плотине, и дрожание металлических перил от падения воды, и радуга в брызгах. По одну сторону плотины - полнота и задумчивость, по другую - бурление и надрыв. И над всем этим - огненная охра обрыва, девонская. . . глина. . .». Зрительное восприятие в этом фрагменте опосредуется всеми типами сенсорики, эволюционируя в сторону комплексных, синестетических образов реальности (плеск, дрожание, бурление и т.п.)

Полярность двух Сиверских (до и после разморозки) разительна: «Мы спускаемся к плотине. Стоящие у воды развалины под завязку забиты мусором. . . Я ведь никогда не бывал здесь зимой. . . То, что Сиверская не похожа сама на себя, при желании можно объяснить ее зимним состоянием. А летом все еще может вернуться. . .». Ощущения скудеют: теперь они представлены только зрительной, обонятельной системами и восприятием через механорецепторы.

Особенно заметна корреляция образа реальности и участвующих в его создании «сенсорных маркеров» в сценах пребывания героя в Соловецком лагере: здесь доминирует восприятие мира через термо- и ноцицепторы, а также при помощи обонятельных реакций. Контрастные по эмоциональным ассоциациям запахи подчеркивают разницу между природной гармонией и ужасом, сотворенным человеком. Ср.: «Раздавленными клопами пахло. Немытыми телами. . . И все это вместе сплеталось в общий запах отчаяния, цвет и звук отчаяния, потому что это только кажется, что они сокрыты в душе и недоступны органам чувств. . .» - «Мы поворачивались направо, налево и кругом, и нас обвевало теплым летним ветром, потому что даже на Соловках лето бывает теплым. . . Белое море пахло не так, как южные моря, но свежесть его проникала в каждую клетку тела. Незаходящее северное солнце блестело на гребнях волн. . . этот блеск был виден. . . Он напоминал мне море в окрестностях Алушты. . .».

Итак, в «Авиаторе» картина реальности напрямую зависит от сенсорной активности памяти, проявляющейся в разных по интенсивности и направленности типах взаимодействия органов чувств. От этого процесса напрямую зависит и словесная сила выражения, «вербальная энергетика» текста.